

ПРЕДАНИЕ ОБ ЭНЕЕ В СТРУКТУРЕ «РИМСКОГО МИФА»

А. В. Бирюков

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра всеобщей истории)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с местом и ролью сюжета об Энее в развитии римской политической мифологии.

Как известно, римляне придавали особое значение сюжетам из своей легендарной истории, а точнее предистории: все легенды об основании Рима начинались с разных версий рассказа о прибытии в Италию Энея и его спутников, беглецов из разрушенной греками Трои. И странствия Энея, и его высадка в Италии весьма подробно описывались в позднейших как литературных, так и исторических произведениях римских авторов.

В среде исследователей идейно-политической жизни Древнего Рима традиционно считается, что сюжет об Энее являлся достаточно поздней реконструкцией древних мифов, а по сути – разработкой римских интеллектуалов, появившейся в эпоху масштабных завоеваний и создания римской средиземноморской державы. Это был своего рода ответ на необходимость оправдать создание территориальной империи, доказав принадлежность римлян к семье завоеванных ими древних культурных народов. Начиная с III в. до н.э. происходило интенсивное политическое мифотворчество, пронизанное целью «найти» знаки исключительного расположения богов к римскому народу, для чего пришлось, по сути, придумывать и удревять собственное, к тому же плохо известное, прошлое. Именно тогда начал усиленно культивироваться миф об Энее как о прародителе римлян [1, с. 244].

Еще одной причиной этого могло стать проникновение древнегреческой религии в римские верования, обусловленное желанием римлян связать свою историю с легендарной Троей [3, с. 9]. Эней был «удобен» тем, что символически объединял легендарную историю Рима с героическим прошлым греков, а именно с сюжетом о Троянской войне и переселении беглых троянцев в Италию. В итоге Рим представлялся древней и органической частью культурного эллинского мира.

Таким образом, появление предания об Энее исследователями относилось к эпохе не ранее III в. до н.э., а сам сюжет признавался от начала и до конца *политическим мифом*.

Первая часть данного утверждения, тем не менее, нуждается в корректировке. Эней с очень древних времен был частью патрицианских культов, поскольку римская знать считала себя потомками энеатов – спутников Энея, прибывших из Трои. Патрицианский род Юлиев, как известно, возводил свою генеалогию напрямую к Энею и его матери Венере, а Гай Юлий Цезарь отмечен возведением в Риме храма Венеры-Прародительницы. Таким образом, присутствие Энея в римском легендарииуме, конечно же, намного старше появления политического мифа об Энее.

Археологические исследования второй половины XX в. позволяют предполагать, что культ Энея являлся одним из древнейших на территории Италии. Находки этрусских ваз с изображением Энея, относящихся ко второй половине VI – первой половине V вв. до н.э., а также стелы той же эпохи с посвящением Энею на месте латинского города Лавиния дали определенные основания утверждать о первоначальном существовании мифа об Энее у этрусков, от которых впоследствии этот сюжет проник в Рим [4].

Как говорилось выше, политизация и идеологизация преданий об Энее начинаются в период римской экспансии в Средиземноморье. Отечественный антиковед К.А. Ревяко связывал этот процесс с другим – включением в состав римского пантеона малоазийской богини Кибелы, Матери богов: «Чтобы установить хоть какую-то связь с новообретенной восточной богиней, в Риме усиленно распространялась легенда о троянце Энее. Эта легенда легла на благодатную почву, т.к. Эней числился среди предков-основателей Рима. Один из его сыновей, по преданию, построил на горе Ида во Фригии алтарь Матери Богов. Богиня Ида (Кибела) стала его покровительницей... Так появилась связь культа богини с Римом. Об этой связи говорит историк Геродиан и приводит предание, по которому римляне, чтобы завладеть богиней, заявляют о своем родстве с фригийцами и напоминают в связи с этим об Энее фригийском» [1, с. 244]. Это позволяло сделать общий политический вывод: связь Кибелы с легендой об Энее послужила римской аристократии предлогом, чтобы оправдать внешнюю политику установления контактов с Востоком – Пергамским царством (откуда и вывезли Кибелу) и Этолийским союзом греческих городов.

Кульминацией развития предания об Энее как части римского политического мифа стала, несомненно, поэма величайшего римского поэта Вергилия «Энеида». Она создавалась во многом как инструмент официальной идеологической политики Октавиана Августа. В данном контексте усилиями автора поэмы Эней, как представляется, выполнил три важные идеологические функции.

Во-первых, «Энеида» утверждала предопределенное богами рождение и торжество Рима. Эней ступил на берег Италии, и перед читателем возникло отдаленное предвидение Рима [2, с. 8, 124]. Встреча в Аиде Энея с отцом Анхизом – центральный момент поэмы: знаменитые слова об уделе Рима и римлян («Римлянин! Ты научись народами править державно...») [2, с. 8, 124]. Встреча в Аиде Энея с отцом Анхизом – центральный момент поэмы: знаменитые слова об уделе Рима и римлян («Римлянин! Ты научись народами править державно...») [VI, 850–853] представляют собой общую историософскую идею всемирно-исторического предназначения Рима. Незыблемость миссии Энея подчеркивается пророческими словами самого Юпитера о могуществе римлян, потомков Энея и продолжателей Энеева дела [I, 278–279]. Мотив прародительства Энея и богоизбранности римского народа позволяет даже проводить принципиальную аналогию между Энеем и библейским Авраамом [2, с. 34, 112].

Во-вторых, главное моральное качество Энея – *pietas*, благочестие, – приобрело в имперскую эпоху особенное политическое звучание. В правление Августа *pietas*, то есть уважение к предкам и богам, а через них – к отечеству, стала частью официальной государственной пропаганды. Персонализацией *pietas* в этот период стал именно Эней, и этот момент был отображен в «Энеиде» [3, с. 167–168].

Наконец, в-третьих, Эней стал восприниматься как прародитель и покровитель современного Вергилию императора, Октавиана Августа – одного из потомков Энея через божественного приемного отца, Юлия Цезаря. В Энеиде (словами старца Анхиза) разворачивается гигантская историческая панорама, позволяющая выявить смысл всего «Римостроительства» от Ромула до Августа [2, с. 32–33]. Особо подчеркивается историческая роль потомства Энея и его сына Юла, и в самый центр выдвигается фигура Августа: он вернет золотой век на латинские пашни и раздвинет границы Империи до всемирных пределов [VI, 793–801]. Личное и родовое здесь перерастает в сверхличное и сверхродовое общее, которое завершается Римом и римской славой [2, с. 145].

Таким образом, предание об Энее сыграло ключевую роль в формировании так называемого «римского мифа». Сюжет, в древности заимствованный римлянами у этрусков и греков, в период Поздней республики и раннего принципата был интерпретирован и стал использоваться в политико-идеологических целях.

Литература

1. Ревяко, К. А. Религиозный аспект внутренней и внешней политики Рима в конце III в. до н.э. / К. А. Ревяко // Проблемы античной истории и культуры. – Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1979. – 548 с. – С. 242–248.
2. Топоров, В. Н. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персоналогии / В. Н. Топоров. – М. : Радикс, 1993. – IV, 195 с.
3. Штаерман, Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1987. – 320 с.
4. Mountford, P. Aeneas: an Etruscan foundation legend / P. Mountford // 32nd Annual Conference of the Australasian Society for Classical Studies / Edited by Anne Mackay. – University of Auckland, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ascs.org.au/news/ascs32/Mountford.pdf>. – Дата доступа: 20.12.2018.